

данская солидарность в реализации государственной культурной политики: взаимодействие власти, общества и бизнеса: сборник материалов Культурного форума регионов России. М., 2015. С. 455–459.

11. Настольная книга судьи: судебная экспертиза. М., 2010.

12. Сологуб О.П. Современный русский официально-деловой текст: функционально-генетический аспект: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Кемерово, 2009.

13. Шмелев А.Д. Функциональные разновидности русского языка: константы и переменные // Деловой и публицистические стили в истории русского языка и культуры: Сб. докладов II Международной научной Международной научной конференции. Петрозаводск, 2015. С. 20–29.

14. Энциклопедия делопроизводства // Центр компетенций по вопросам документационного обеспечения управления и архивного дела. URL: <http://www.edou.ru>.

15. Янковая В.Ф. Юридическая техника при подготовке локальных нормативных актов организации: виды документов, их назначение, этапы подготовки // Современные технологии делопроизводства и документооборота. 2012. № 6. С. 6–16.

References

1. Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo iazyka ; Sost. gl. red. S.A. Kuznecov [Great Dictionary of the Russian Language ; Comp. Ch. Ed. SA Kuznetsov]. St-Peterburg., 1998.

2. Bondar' A.V. *Evolutsiia terminologii v sfere upravleniia dokumentami v kontse 1950-kh – 2013 gg.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Evolution of the terminology in the field of document management at the end of 1950– 2013. Dr. dis.]. Ekaterinburg, 2015.

3. Bure N.A. Lingvisticheskie i kul'turologicheskie aspekty zhanrov pis'mennoi delovoi kommunikatsii [Linguistic and cultural aspects of the genres of written business communication]. *Delovoi i publicisticheskie stili v istorii russkogo iazyka i kul'tury: sb. dokladov II Mezhdunarodnoi nauchnoi konferencii* [Business and journalistic styles in the history of Russian language and culture: ~ Sat. of the II International Scientific International Conference]. Petrozavodsk, 2015, pp. 107–113.

4. Valgina N.S. *Teoriia teksta* [Theory of text]. Moscow, 2004.

5. Duskaeva L.R., Protopenova O.V. *Stilistika oficial'no-delovoi rechi* [Stylistics officially-business speech]. Moscow, 2012.

6. Kushneruk S.P. *Dokumentnaia lingvistika* [Document-linguistics]. Volgograd, 2007.

7. Kushnir O.N. *Evolutsiia russkoi konceptosfery na rubezhe XX – XXI vekov. Voprosy dinamicheskoi lingvokontseptologii* [Evolution of the Russian konceptosfery at the turn of XX – XXI centuries. Questions dynamic lingvokontseptology]. Syktyvkar, 2012.

8. Kushnir O.N., Todika M.V. *Municipal'nyi pravovoi akt v kontekste sistem dokumentatsii* [Municipal legal act in the context of documentation systems]. *Dokument. Arkhiv. Istoriia. Sovremennost': sbornik dokladov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferencii* [Document. Archive. History. Present: Proceedings of the International scientific-practical conference]. Ekaterinburg, 2014, pp. 69–72.

9. Kushnir O.N. O vzaimoobuslovlennosti tekstov vedomstvennykh pravovykh aktov i vnutrennikh dokumentov organizatsii [About interdependence texts departmental regulations and internal documents of the company]. *Delovoi i publicisticheskie stili v istorii russkogo iazyka i kul'tury: sb. dokladov II Mezhdunarodnoi nauchnoi konferencii* [Business and journalistic styles in the history of Russian language and culture: Coll. of the II International Scientific International Conference]. Petrozavodsk, 2015, pp. 158–163.

10. Kushnir O.N. Iazykovaia kompetentsiia kak kriterii professionalizma gosudarstvennogo sluzhashhego [Language competence as a criterion of professionalism of civil servants]. *Grazhdanskaia solidarnost' v realizatsii gosudarstvennoi kul'turnoi politiki: vzaimodeistvie vlasti, obshchestva i biznesa: sbornik materialov Kul'turnogo foruma regionov Rossii* [Civic solidarity in the implementation of the state cultural policy: the interaction of government, business and society: proceedings of the Cultural Forum of Russian regions]. Moscow, 2015. pp. 455–459.

11. *Nastol'naia kniga sud'i: sudebnaia ehkspertiza* [Handbook of Judge: forensics]. Moscow, 2010.

12. Sologub, O.P. *Sovremennyi russkii oficial'no-Delovoi tekst: funktsional'no-geneticheskii aspekt: avtoref. diss... dokt.filol.n.* [Modern Russian official business Text: functional and genetic aspect. Dr. dis.]. Кемерово, 2009.

13. Shmelev A.D. Funktsional'nye raznovidnosti russkogo iazyka: konstanty i peremennye [Functional variants of the Russian language: constants and variables]. *Delovoi i publicisticheskie stili v istorii russkogo iazyka i kul'tury: sb. dokladov II Mezhdunarodnoi nauchnoi konferencii* [Business and journalistic styles in the history of Russian language and culture: Coll. of the II International Scientific International Conference]. Petrozavodsk, 2015, pp. 20–29.

14. *Ehnciklopediia deloproizvodstva* [Office Encyclopedia]. *Centr kompetentsii po voprosam dokumentatsionnogo obespecheniia upravleniia i arkhivnogo dela* [Competence Center for document management and archives]. Available at: <http://www.edou.ru>.

15. Iankovaia V.F. Iuridicheskaja tekhnika pri podgotovke lokal'nykh normativnykh aktov organizatsii: vidy dokumentov, ikh naznachenie, ehrapy podgotovki [Legal technics in the preparation of local regulations of the organization: document types, their purpose, the preparation stages]. *Sovremennye tekhnologii deloproizvodstva i dokumentooborota* [Modern technologies and document workflow]. 2012, № 6, pp. 6–16.

УДК 81'373.47[811.161.2+811.351.32]

Э.С. Ветрова

Таврическая академия, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского
(г. Симферополь)

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ПРОЩАНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ УКРАИНСКОГО И ЛЕЗГИНСКОГО ЯЗЫКОВ)

Статья посвящена сопоставительному изучению прощаний в речевом этикете украинцев и лезгин. Рассматриваются семантика этикетных формул, особенности их функционирования в различных ситуациях общения. В результате анализа обнаружено определенное сходство в структурном и семантическом оформлении украинских и лезгинских прощаний, что обусловлено их общими коммуникативными функциями в прошлом. Вместе с тем, выявлены и различия семантического и

функционального характера. Установлено, что лезгинские прощания характеризуются большей семантической плотностью и имеют более широкую сферу употребления, обслуживая, помимо прощания, и другие этикетные ситуации. В украинской речи доминируют высказывания с частным, конкретным значением и ограниченной сферой функционирования. Автор приходит к выводу, что выявленные расхождения обусловлены особенностями национального сознания украинцев и лезгин, их специфичным восприятием окружающей действительности, социально-историческим и духовным опытом.

Речевой этикет, ситуация общения, коммуникативные функции, прощания, пожелания, этнокультурная семантика, украинцы, лезгины.

The article deals with the comparative study of farewells in speech etiquette of the Ukrainians and the Lezgins. The parting situation is known to be basically universal, but its structure and verbal realization are nationally biased. The analysis has revealed a certain similarity in structural and semantic patterns of the Ukrainian and Lezgin farewells, which testifies to their common communicative functions in the past. In addition to that, differences of quantitative, semantic and functional aspects have been identified as well. It has been established that the Lezgin farewell formulas are characterized by greater semantic density, have a broader sphere of functioning, and are used not only when saying goodbye, but in other etiquette situations. The etiquette expressions with a particular meaning and restricted range of usage prevail in the Ukrainian language. The author concludes that differences in semantics and communicative realization of farewells are caused by the peculiarities of national mentality, specific perception and modeling of reality, as well as socio-historical and spiritual experience of representatives of the cultures under study.

Speech etiquette, communicative situation, communicative functions, farewells, wishes, ethno-cultural semantics, Ukrainians, Lezgins.

Введение

Неотъемлемой частью повседневного речевого общения человека является прощание, под которым традиционно понимают финальный этап диалога, предполагающий обмен напутствиями, пожеланиями перед расставанием [6]. В процессе коммуникации прощания выполняют различные функции. Выступая сигналом о прекращении контакта, данные этикетные формулы в то же время определяют дальнейшие отношения собеседников, выражая их желание или нежелание взаимодействовать в будущем. Как видим, прощания играют важную роль в речевом общении. Вместе с тем, в научной литературе им уделяется недостаточно внимания. Долгое время прощания рассматривались как неинформативные, лишённые семантики стереотипные фразы, не представляющие интерес для исследователя. И лишь в 60-х гг. XX века в связи со сменой научных приоритетов в лингвистике и переходом к прагматической трактовке сущности языка они оказались в поле зрения ученых. Первые попытки научного осмысления данной проблемы осуществляются зарубежными исследователями в рамках лингвистической философии – научного направления, основная задача которого – изучение логики функционирования языка в условиях повседневной коммуникации. В работах Дж. Остина [13], Дж. Серля [14], Дж. Лича [23], Г.П. Грайса [22] и др. единицы речевой деятельности человека, в том числе и прощания, рассматриваются с позиции теории речевых актов. В различных классификациях речевых актов для обозначения прощаний и других этикетных формул используются разные термины: бехабитивы (Дж. Остин), экспрессивы (Дж. Серль), конвивиалы (Дж. Лич) и др., что свидетельствует о неоднозначности и дискуссионности данного вопроса. Достаточно богатый опыт исследования речевых единиц в контексте лингвистической прагматики накопили отечественные лингвисты (работы Н.Д. Арутюновой, Г.Г. Почепцова, Е.В. Падучевой, Д.Н. Шмелева и др.). Вместе с тем, следует отметить, что внимание ученых фокусируется на комплексном анализе речевых актов, тогда как кон-

кретные их виды (прощание, приветствие, просьба, благодарность и т.д.) описываются фрагментарно.

В отечественном языкознании интерес к прощаниям активизировался в связи с выделением речевого этикета в отдельную область лингвистического знания. В работах Н.И. Формановской [1], [19], А.А. Акишиной [1], В.Е. Гольдина [4], М.А. Кронгауза [9], А.Г. Балакая [3] данные этикетные фразы описываются в разных аспектах: функционально-прагматическом, лингвострановедческом, социолингвистическом, стилистическом и др. Несмотря на то, что в последние десятилетия в связи с доминированием антропоцентрических тенденций в языкознании количество трудов, посвященных изучению различных форм выражения вежливости, стремительно возрастает, прощание до сих пор остается одним из наименее исследованных компонентов речевого этикета. На настоящий момент недостаточно проанализирована национальная специфика прощаний, условия их функционирования в различных культурах. Фрагментарно представлены работы сопоставительного характера, направленные на выявление универсальных и этнокультурных особенностей прощаний в разноструктурных языках. Дальнейшей разработки требуют социолингвистический и психолингвистический подходы к изучаемой проблеме. Такая ситуация является поводом к комплексному, разноаспектному исследованию прощаний, что позволит решить многие актуальные и дискуссионные вопросы, связанные с эффективным использованием данных этикетных единиц в современной коммуникативной практике.

Актуальность работы обусловлена повышенным интересом современной лингвистики к проблемам межкультурного общения и речевого этикета как его неотъемлемого компонента, а также необходимостью теоретического осмысления описанных выше проблем, которые до настоящего времени не получили должного освещения. **Цель** настоящей статьи – сопоставительный анализ украинских и лезгинских прощаний, выявление сходств и различий в их семантике и коммуникативной реализации. На материале украинского и лезгинского языков прощания

изучаются впервые, что определяет *новизну* предложенного исследования.

Материалом исследования послужили украинские и лезгинские прощания, извлеченные методом сплошной выборки из лексикографических источников, художественных и фольклорных произведений разных жанров. В качестве иллюстраций были также использованы речевые образцы, полученные в результате интервьюирования, анкетирования информантов и собственных наблюдений автора над речью носителей языка. Сбор примеров на лезгинском языке проводился в республике Дагестан, Россия (в селах Капир и Курах Курахского района, селе Белиджи Дербентского района, городах Дербент и Махачкала).

Для анализа украинских прощаний привлекался материал из официальной и частной переписки выдающихся украинских писателей и общественных деятелей XIX века, сыгравших важную роль в формировании современного украинского речевого этикета. Всего проанализировано 900 случаев контекстуальных употреблений этикетной лексики (400 – в лезгинском языке и 500 – в украинском языке).

Основная часть

Прощание – древний по происхождению ритуал, в котором нашли отражение архаические представления наших предков о «своей» и «чужой» территории. Традиционным символом «своего» – родного, безопасного пространства являлся дом, тогда как локус, находящийся за пределами жилища, считался чужим, враждебным. Границей, отделяющей человека от опасной для него территории, был порог либо ворота. Проводить гостя до порога (ворот) – значит уберечь его от возможных неприятностей. Данные действия обязательно сопровождались специальными вербальными формулами, которые, с одной стороны, выполняли магические функции (воздействие на окружающую действительность и достижение желаемого результата), с другой – символизировали об уважительном отношении к гостю и желании продолжить общение в будущем. Общие коммуникативные функции прощальных фраз в прошлом обусловили сходство их структурного и семантического оформления во многих языках мира, в том числе и неродственных. Большинство прощаний в речевом этикете украинцев и лезгин представляет собой лаконичные тексты-пожелания, в которых в сконденсированной форме воплотились моральные приоритеты и духовные ценности обоих этносов. Набор основных мировоззренческих установок и моральных понятий, заложенных в семантике украинских и лезгинских прощаний, является общим: здоровье, добро, удача, мир, счастье и т.д. Вместе с тем, в каждом из языков сформировалась своя система этикетных высказываний, в которой нашли отражение особенности национального мышления и мировосприятия этносов, их многовековой социально-исторический и духовный опыт, накопленный в течение многих веков.

В украинском языке прощания образуют разветвленную систему этикетных единиц, которые различаются как в семантическом, так и функционально-

стилистическом планах: *До побачення!*, *Прощай(-те)!*, *Прощавай(-те)!*, *Дозволь(-те) попрощатись!*, *Усього (вам) найкращого!*, *Щасливої дороги!*, *Хай Вам щастить!*, *Будьте (бувайте) здорові (щасливі)!*, *Будь (бувай) здоров (-ий, -а), щаслив (-ий, -а)!*, *На все добре!*, *Добраніч!*, *У добрий час!*, *До зустрічі!*, *До завтра!* и др. Такое синонимическое разнообразие способствует выбору наиболее оптимальной и уместной в каждой конкретной ситуации речевой единицы с учетом различных факторов: времени, на которое расстаются коммуниканты, тональности общения, характера взаимоотношений с собеседником, его пола, возраста, социального статуса и др.

Стилистически нейтральной, уместной в любых коммуникативных обстоятельствах, является конструкция *До побачення!*, в которой предлог *до* в сочетании с существительным в форме родительного падежа указывает на то, что участники диалога расстаются до определенного временного предела: *Ні, не прощай, моя Маріє, а до побачення, мій друг* [16]. Следует отметить, что формула *До побачення!* закрепились в украинском речевом этикете относительно недавно. В XIX веке она еще не воспринималась как традиционная, устоявшаяся прощальная фраза, о чем свидетельствует тот факт, что в украинских лексикографических источниках этого периода она не фиксируется. Немногочисленные примеры использования данного высказывания находим в эпистолярной украинской писателей и общественных деятелей XIX века, где оно встречается преимущественно в тех ситуациях, когда речь идет о конкретной, заранее запланированной встрече, либо когда автор письма хочет подчеркнуть свое желание еще раз встретиться с адресатом: *Ну, до побачення, дорогий Михайле Михайловичу. Дуже буду радий* [7, т. 7, с. 236]; *Бувайте здорові та до побачення скоріш* [17, т. 10, с. 259]. В письменной речи этикетная формула *до побачення* нередко усложняется уточняющими определениями: *скорого, швидкого, щасливого, бажаного, милого, приємного*, благодаря которым она воспринимается не столько как стереотипная фраза, сколько как сложное смысловое образование, указывающее, с одной стороны, на завершение контакта, с другой – на реальность и желательность общения в будущем: *До скорого й так бажаного побачення* [7, т. 5, с. 154]; *До швидкого побачення* [7, т. 7, с. 60] и др. Вследствие многократного использования и освобождения от сопровождающих элементов прощание *До побачення!* постепенно десемантизируется и преобразуется в повседневную этикетную формулу, которая выполняет исключительно контакторазмыкающую функцию и не несет никакой дополнительной информации.

Если коммуниканты договорились о следующей встрече, то в место фразы *До побачення!* в украинском языке может использоваться высказывание *До зустрічі!* либо аналогичные по структуре конструкции, в состав которых входят компоненты, указывающие на время (*завтра, наступного тижня, влітку, на Різдво* и др.) или место (*в університеті, на конференції* и др.) будущего контакта, например: *До побачення влітку!* и др.

Особое место в речевом этикете украинцев занимают финальные формулы *Прощай (-те)!*, *Прощавай(-те)!*, которые имеют древние корни. Первоначально данные прощания представляли собой формы повелительного наклонения глаголов, произношение которых при расставании подразумевало взаимное прощение грехов [2]. Со временем фразы *Прощай(-те)!*, *Прощавай (-те)!* утратили сакральную семантику и трансформировались в этикетные междометия, сигнализирующие о расставании коммуникантов на длительное время либо навсегда: *Прощай, дівчино, прощай, рибчино! Вже ж я більше не вернуся!* [укр. нар. песня]. Вместе с тем, элементы первоначального значения в семантике данных высказываний отчасти сохраняются и сегодня. Используя фразы: *Прощай (-те)!*, *Прощавай(-те)!*, говорящий не только сигнализирует о завершении контакта, но и просит собеседника перед расставанием «простить», если что не так». Это значение особенно ярко актуализируется, когда прощания сопровождаются просьбами об извинении: *не гнівайтесь, не бануйте, не поминайте лихом, не спом'яніть лихим словом: Прощайте і не гнівайтесь* [20, т. 48, с. 191]; *Ітак, ще раз прощай і не поминай лихом свого Івана* [20, т. 48, с. 192]. Примечательно, что в украинском языке финальные формулы *Прощай (-те)!*, *Прощавай (-те)!* могут употребляться и в значении ‘до свидания’, обслуживая ситуации, когда коммуниканты прерывают общение ненадолго, однако время их будущей встречи четко не определено: *Прощайте, а не надовго* [20, т. 48, с. 9]; *Відтепер частіше до Вас буду навідуватися, а на днесь прощайте!* [20, т. 48, с. 15].

В разговорной речи украинцы отдают предпочтение пожеланиям здоровья: *Доброго здоров'я!*, *Бувай (будь, іди, ходи, залишайся, зоставайся) здоров (-а, -ий)!*, *Бувайте (будьте, ідіть, залишайтеся, зоставайтесь) здорові (здоровенькі)!* [15, т. 3, с. 546]. Данные фразы используются преимущественно представителями среднего и старшего поколения для создания дружеской, непринужденной атмосферы: *Мотря взяла гребінь, поцілувалася з кумою і подалась до дверей. – Будьте здорові! – Ідіть здорові!* [17, т. 7, с. 10]. В просторечии прощания-пожелания здоровья нередко сопровождаются элементами: *за тим, на цім слові, за сим словом, а по сьому*, которые создают атмосферу простоты и легкости общения: *А по сьому – бувайте здорові* [7, т. 5, с. 59]; *А за сим словом бувайте здорові* [20, т. 48, с. 446]. В украинских прощаниях мотив здоровья часто сочетается с другими, семантически близкими ему понятиями: «счастье», «радость», «сила», «трудолюбие», «оптимизм» и др.: *Бувайте здорові, дужі та веселі* [17, т. 12, с. 234]; *Бувайте ж здорові, силою кріпкі та духом бадьорі* [12, т. 7, с. 549]; *Бувайте ж здоровенькі та до діла охочі* [12, т. 7, с. 488]; *Бувайте здорові та богові і людям милі* [12, т. 7, с. 457] и др.

В лезгинском языке в течение многих веков под влиянием исторических, социально-культурных и психологических факторов сформировалась своя система прощаний, в которой отражаются моральные приоритеты и духовные ценности горцев. Следует отметить, что украинские и лезгинские прощания

имеют как общие, так и этнокультурные особенности.

Общие коммуникативные функции данных этикетных формул в прошлом обусловили сходство их структурного и семантического оформления во многих языках, в том числе и неродственных. Большинство прощаний в речевом этикете украинцев и лезгин представляют собой лаконичные тексты-пожелания, в которых в сконденсированной форме нашли отражение общие для обоих этносов мировоззренческие установки и моральные понятия: «добро», «благополучие», «здоровье», «счастье», «удача» и т.д. Вместе с тем, отмечаются и различия. В первую очередь обращают на себя внимание расхождения в семантической плотности украинских и лезгинских прощаний. Так, украинским этикетным формам *До побачення!*, *Прощай(-те)!*, *Прощавай(-те)!*, *Будьте здорові!*, *Бувай здоров(-ий, -а)!* в лезгинском языке соответствует высказывание *Сагъ хьуй (хьурай)!* ‘До свидания! / Прощай! / Будь здоров!’ [10]. Как видим, одно лезгинское прощание содержит в своем значении семы, которые в украинском языке распределены между несколькими этикетными фразами. Данное наблюдение является ярким подтверждением общеизвестного положения о том, что состав и структура лексико-семантических полей в разных языках не совпадают. Как справедливо отмечает М. Кочерган, «если представить себе лексико-семантическое поле как определенную мозаику слов, то эта мозаика в разных языках будет неодинаковой: поля будут иметь разное количество клеток, не все клетки в сопоставляемых языках будут заполнены и то, что в одном языке содержится в одной клетке, в другом может быть распределено между двумя или несколькими меньшими клетками» [8, с. 14]. Причины подобных расхождений, на наш взгляд, следует искать в особенностях национального сознания, в частности – разном восприятии и отображении одних и тех же фрагментов объективной реальности.

Высказывание *Сагъ хьуй (хьурай)!* в лезгинском языке стилистически нейтрально и уместно в любой ситуации общения. В толковых словарях зафиксировано несколько его значений: 1) слова, адресуемые собеседнику с целью выражения радости, удовлетворения; добрые пожелания в адрес кого-либо; 2) слова прощания, произносимые теми, кто уходит из гостей; 3) ответные слова гостя на приветствие хозяина дома [5, с. 716]: *Квез хвашкалди, я стхаяр* [Мугьманар]. – *Сагъ хьуй, чан вах* ‘Добро пожаловать, братья [гостям]. – Будь здорова, сестричка’ [Там же]. Как видим, данное этикетное междометие характеризуется полифункциональностью и в зависимости от контекста может играть роль прощания, приветствия, пожелания добра, благодарности. Следует отметить, что фразы *Сагъ хьуй!* и *Сагъ хурай!* являются синонимами и обслуживают одинаковые ситуации общения. И все же между ними существуют некоторые функциональные различия. Форма *Сагъ хьурай!* отличается «большей длительностью во времени» и часто используется в качестве доброго пожелания «на долгие годы»: *Сагъ хьурай чи Алидар! Мубарак-рай адаз вичин 50 йис!* ‘Будь здоров, наш Алидар! Поздравляем с 50-тилетием!’ [5, с. 716].

Достаточно высокой семантической плотностью в лезгинском языке отличается высказывание *Сагърай!* (буквально: 'Будь здоров (-а) / Будьте здоровы!' – от лезгинской лексемы *сагъ* 'здоровый'). В словаре Б.Б. Талибова, М.М. Гаджиева оно имеет следующие толкования: 1) до свидания!, всего хорошего!, прощай!; 2) спасибо!, благодарю!; 3) желаю здоровья, благополучия! [10, с. 189]. Таким образом, по мнению авторов, форма *Сагърай!* обслуживает следующие коммуникативные ситуации: «прощание», «пожелание добра», «благодарность». Вместе с тем, как показывает речевая практика, сфера ее функционирования намного шире. Данная этикетная формула может использоваться в качестве поздравления, ответного приветствия, соболезнования, а также тоста или здравиты в честь кого-либо, например: *Сагърай лезги халкъ!* 'Да здравствует лезгинский народ!' – тост; *Ваз хваигелди, Зейнаб. – Сагърай, бала!* 'Добро пожаловать, Зейнаб'. – Будь здоров(-а), дитя!' [11, с. 86] – ответное приветствие; *Ам кьенатла, вун сагърай!* 'Желаю тебе здоровья, благополучия!' – соболезнование [10, с. 189]. В словаре А. Гюльмагомедова фразы *Сагърай!* и *Сагъ хъуй (хъурай)!* рассматриваются как синонимы [5].

Как видим, в лезгинском языке прощания полифункциональны и отличаются высокой степенью семантической плотности, тогда как в украинском языке они имеют конкретное значение и, как правило, закреплены за одной ситуацией общения. Данное наблюдение подтверждает выводы лингвистов о том, что одни языки отличаются избытком слов со специфическим значением, тогда как другие отдают предпочтение общим названиям, пренебрегая теми частными наименованиями, которые не являются необходимыми [18].

Примечательно, что в речевом этикете обеих культур чаще всего используются прощания с семантикой пожелания. Основная семантическая нагрузка таких высказываний непосредственно связана с понятиями: «здоровье», «добро», «счастье», «удача», которые украинцы и лезгины ценят больше всего. В сопоставляемых языках такие высказывания имеют схожую семантику и выполняют общие коммуникативные функции, используя, как правило, в качестве добрых напутствий человеку, который уходит или остается.

Помимо проанализированных выше прощаний с семантикой 'здоровье', в речевом этикете украинцев широко распространены пожелания добра: *Усього доброго (найкращого)!*, *На все добре!*, *Добраніч!*, *Дай боже час добрий!*, *У добрий час!* Данные высказывания различаются по семантике и выполняют неодинаковые функции в процессе общения. Прощания *Усього доброго (найкращого)!*, *На все добре!* являются универсальными, уместными в любой коммуникативной ситуации. Высказывания *Дай боже час добрий!*, *У добрий час!* имеют напутственный характер и адресуются в качестве дружеского пожелания успеха, счастливой дороги человеку, который уезжает [15, т. 2, с. 321]. В качестве пожеланий доброй ночи непосредственно перед сном используются фразы: *Добраніч!* (*На добраніч!*, *Доброї ночі!*), *Приємних (гарних, солодких) снів!*

К частоупотребительным вежливым формам прощания в украинском языке относятся пожелания счастья, удачи: *Бувай щасливий (-а)!*, *Бувайте щасливі!* [15, т. 11, с. 571], *Щастя тобі (вам) [доле]!*, *Хай (нехай) тобі (вам) щастить (в дорозі)!* [15, т. 11, с. 573], характерные для разговорной речи.

Прощания-пожелания мира в речевом этикете украинцев немногочисленны. Формы *Іди, іди́ть (зоставайся, зоставайтесь) з миром (в мирі)!* используются в качестве добрых пожеланий тому, кто уходит либо остается [15, т. 4, с. 712]. В повседневном общении данные фразы встречаются довольно редко, преимущественно в речи жителей сельской местности, представителей старшего поколения. В лексикографических источниках они фиксируются с пометой «устаревшее».

Лезгинский речевой этикет также характеризуется высокой степенью ориентации на высказывания с семантикой пожелания. Вместе с тем, лезгинские этикетные формулы имеют специфические особенности. Если в украинском языке «добро», «здоровье», «счастье», «удача» и др. воспринимаются как самостоятельные феномены и их вербализация осуществляется с помощью отдельных этикетных фраз, то в лезгинском языке они объединяются в целостное понятие, которое не членится на части и передается одной фразой более широкой семантики. Например, прощание *Саламат хъуй!* (происходит от лезгинских слов *саламат* 'благополучный' и *хъуй* 'пусть будет') на русский язык можно перевести по-разному: 'Всего доброго!', 'Всего хорошего!', 'Счастливого пути!', 'Счастливо оставаться!', 'Желаю удачи!' и др. Данный факт еще раз подтверждает вывод о том, что лезгины воспринимают окружающую реальность абстрактно и синкретично, тогда как украинское языковое сознание склонно к ее членению и детализации.

Вместе с тем, следует отметить, что в лезгинской культуре наблюдается и противоположная тенденция. Так, например, ситуация «гостеприимство» воспринимается лезгинами более расчлененно и детализировано, что объясняется особым отношением горцев к этому сложному древнему ритуалу. По мнению лезгин, общение с гостем требует особенной тщательности в подборе языковых средств. Поэтому неудивительно, что именно в этих коммуникативных условиях горцы используют широкий арсенал этикетных высказываний, способствующих созданию доброжелательной и непринужденной атмосферы общения. Таким образом, можем утверждать, что носители языка обращают особое внимание на те объекты и явления окружающей действительности, которые считают наиболее важными, и поэтому создают для них большое количество наименований.

Выбор прощаний в ситуации «гостеприимство» в речевом общении лезгин регулируется в первую очередь коммуникативными ролями общающихся (гость / хозяин), а также обстоятельствами общения (свадьба, поминки и т.д.). Например, гостю, который уезжает, как правило, адресуют прощания напутственного характера – пожелания удачи в дороге и благополучного возвращения домой: *Югъур хъуй!* 'Всего доброго (хорошего)! / Счастливого пути!' [10, с. 274];

Хъсан (хийир) рехъ (сят) хъуй (хъурай)! 'В добрый час! / Всего хорошего! / Счастливо!' [5, с. 929]; Ваз хъсан сефер хъурай! 'Желаю тебе хорошего пути!' [10, с. 194]; Агалкьунар хъурай! 'Удачи вам!'; Хийирдин хабарар хъуй! 'Добрых вестей!' [10, с. 908].

Если гость приехал издалека, то в качестве прощаний используются более сложные по структуре и семантике высказывания: *Ваз физвай яргъал рехъ кьезил, регъятди хъурай! 'Пусть твой далекий путь будет легким и удачным!'; Вун сагъ-саламатдиз элкъвена хтурай! 'Чтоб ты благополучно вернулся!'; Квез хъсан рехъ хъурай, куь физвай рехъ куьруь, уьмуьр куь яргъи хъурай! 'Пусть будет доброй Ваша дорога!' и др. В свою очередь, гости, покидающие дом хозяина, произносят: Ви квалер-къар(йикъар) кьени хъуй (хъурай)! 'Пусть в Вашем доме будет добро, семейное благополучие!'; Квалер берекат (берекатар) хъуй (хъурай)! 'Пусть в доме изобилие (достаток, благо, добро) будет!' и др. Подобные высказывания выполняют двойную функцию, выполняя одновременно роль прощаний и форм благодарности.*

Гости, пришедшие на какое-либо семейное торжество (свадьбу, юбилей и т.д.), в качестве прощаний используют пожелания: *Къуй куь Квалер гьамиша шадвилер (мехъерар, мелер, суварар) хъуй (хъурай)! 'Пусть в вашем доме всегда радостные события (свадьбы, новоселья, праздники и т.д.) будут!'. Если же собрались по печальному поводу, то, прощаясь, обычно произносят: Мад ихътин заланвилер тахъурай квез! Къедлай къулухъ шадвилерал (мехъеррал, мел-мехъеррал, суваррал кьведай къар(йикъар) акурай! или Шадвилерал (мехъеррал, мел-мехъеррал, суваррал кьведайвал хъуй (хъурай)! 'Дай бог, чтобы отныне таких бед не увидели вы! Пусть отныне в вашем доме только радостные события (свадьбы, новоселья, праздники и т.д.) будут!' и др.*

Прощания-пожелания в лезгинском языке активно функционируют и в других ситуациях общения. Например, добрыми пожеланиями хорошо отдохнуть перед сном являются выражения: *Геже хийирар! Квез иширин ахвар атурай, хийирдин хабарар! 'Спокойной ночи! Сладких, приятных снов тебе!' [5, с. 180] и др.*

Неотъемлемой частью украинского и лезгинского речевого этикета являются прощания религиозного характера, в которых нашли отражение мировоззренческие установки обоих этносов. Можем предположить, что первоначально данные высказывания представляли собой молитвенные обращения к Богу с просьбой о покровительстве. В современном общении они используются в качестве напутственных пожеланий успеха, счастья, добра, удачи: укр. *Щастти тобі (Вам) боже (на все добре, на всяке добро, у всьому, на кожній дорозі)!, Нехай (хай) тобі (Вам) Бог (Господь) помагає на все добре!* и др.; лезг. *Ви квалехар Аллагъди тукъІуьррай! 'Твои дела пусть пойдут на пользу с Божьей помощью!'; Квез Аллагъди хъсанвилер гурай! 'Пусть Аллах даст Вам добро!'; Куьнни Аллагъди хъсанвилехъ тухурай! 'Пусть приведет Вас Аллах к лучшему!' и др. В обоих языках данные высказывания полифункциональны. Помимо прощания они обслуживают и другие ситуации*

общения: пожелания, благословения, приветствия, одобрения, благодарности и др.

В речевом этикете украинцев и лезгин прощание – симметричный речевой акт, предполагающий обязательное использование ответных реплик. В украинском языке в условиях симметричного общения семантические различия между прощаниями адресанта и адресата практически полностью нивелируются. Так, например, фразы *Прощайте!, Зоставайтесь здорові!* предполагают ответ: *Прощайте!, Ідіть здорові!, а на реплику Здорові були!, как правило, отвечают: Здорові будьте й Ви!* В нейтральной и официальной тональностях общения реплики адресата и адресанта зачастую совпадают.

В лезгинском языке в качестве универсальных ответных прощаний, уместных в любых ситуациях общения, чаще всего используются выражения: *Сагъвал хъурай! 'Будьте здоровы! (букв. 'Здоровье пусть будет у Вас!'); Сагълугъ хъуй! 'Оставайся здоровым! / До свидания!'; Сагърай 'До свидания! / Прощай(те)! / Будь(-те) здоров(-ы)!'; Чухсагъул, сагърай (гъелели)! 'Спасибо, до свидания!'; Сагъ-саламат хъуй! 'Счастливо оставаться! / Всего хорошего!'. Вместе с тем, функционируют и ситуативно обусловленные ответные формулы, уместные при определенных коммуникативных условиях. Так, напутственные прощания, адресованные уезжающему гостю (например: *Сагърай! Хъсан саламат рехъ хъурай! 'Счастливого пути! Пусть Аллах приведет Вас к лучшему!'*), предполагают ответ: *Баркалла! Квез Аллагъди сагъвилер, хъсанвилер гурай! 'Спасибо! Дай Аллах Вам здоровья и благополучия!'. На реплику Геже хийир (хийирар)! 'Спокойной (доброй) ночи!' обычно отвечают: Чухсагъул! Хийирар Аллагъди гуй! 'Спасибо! Дай Вам Бог здоровья (добра)!'* и т.д.*

Выводы

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы. Ситуация прощания в своей основе универсальна, но ее структура и языковая экспликация имеют национально специфический характер. Общие прагматические функции украинских и лезгинских прощаний в прошлом обусловили наличие определенного сходства в их структуре и лексическом значении. В обоих языках прощания представляют собой благопожелательные тексты, в семантике которых актуализируются такие общечеловеческие духовные ценности, как здоровье, удача, счастье, благополучие. Вместе с тем, семантический объем и сфера функционирования данных высказываний в сопоставляемых языках не совпадают. В первую очередь обращают на себя внимание расхождения в семантическом объеме прощаний. Одно этикетное высказывание в лезгинском языке содержит в своем значении семы, которые в украинском языке распределяются между несколькими этикетными формулами. Таким образом, лезгинские прощания характеризуются большей семантической плотностью. Кроме того, в лезгинском языке финальные фразы имеют более широкую сферу функционирования, обслуживая, помимо прощания, и другие этикетные ситуации (благодарности, ответного приветствия, соболезнования, поздравления, тоста и др.). В украинском языке

ке среди прощаний преобладают высказывания с частным, конкретным значением и ограниченным спектром употребления. Таким образом, можем утверждать, что украинское языковое сознание склонно к членению и детализации объективной реальности, тогда как языковое сознание лезгин воспринимает действительность более абстрактно и синкретично. Данное наблюдение является подтверждением общеизвестного положения о том, что каждый язык членит мир по-своему, создавая при этом свою систему форм и значений.

Литература

1. Акишина А.А., Формановская Н.И. Русский речевой этикет. М., 1978.
2. Байбурин А.К., Топорков А.Л. У истоков этикета: Этнографические очерки. Л., 1990.
3. Балакай А.Г. Русский речевой этикет и принципы его лексикографического описания. Новокузнецк, 2002.
4. Гольдин В.Е. Этикет и речь. Саратов, 1978.
5. Гюльмагомедов А. Г. Словарь лезгинского языка. Махачкала, 2003.
6. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. Т. 2. М., 2006.
7. Коцюбинский М. Зібрання творів: у 7 т. Листи. К., 1973–1975.
8. Кочерган М.П. Сопоставительное языкознание и проблемы языковых картин мира // Языкознание. 2004. № 5–6. С. 12–21.
9. Кронгауз М.А. Новое в речевом этикете // Русский язык. 2001. №3.
10. Лезгинско-русский словарь / сост. Б.Б. Талибов, М.М. Гаджиев; под ред. Р. Гайдарова. М., 1966.
11. Лезгинцев Г.М. Дагъларай тир инсан. Махачкала, 1984.
12. Мирний Панас. Зібрання творів: у 7 т. Листи. К., 1971.
13. Остин Дж.Р. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М., 1986. С. 20–129.
14. Серль Дж. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М., 1986. С. 170–195.
15. Словник української мови: в 11 томах. К., 1970–1980.
16. Сосюра В. Зібрання творів: у 2 т. Т. 2. К., 2000.
17. Українка Леся. Зібрання творів: у 12 т. Листи. К., 1975–1978.
18. Ульман С. Семантические универсалии // Новое в лингвистике. Вып. 5. М., 1970. С. 250–299.
19. Формановская Н.И. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. М., 1982.
20. Франко І. Зібрання творів: у 50 т. Листи. К., 1986.
21. Шевченко Т. Зібрання творів: у 6 т. Листи. К., 2003.
22. Grice H.P. Logic and conversation // Syntax and semantics. 1975. Vol. 3. P. 41–58.
23. Leech G. Principles of Pragmatics. N.Y., London, 1983.

References

1. Akishina A.A., Formanovskaia N.I. *Russkii rechevoi etiket* [Russian speech etiquette]. Moscow, 1978.
2. Baiburin A.K., Toporkov A.L. *U istokov etiketa: Et-nograficheskie ocherki* [At the root of etiquette: Ethnographic Essays]. Leningrad, 1990.
3. Balakai A.G. *Russkii rechevoi etiket i printsipy ego leksikograficheskogo opisaniia* [Russian speech etiquette and principles of its lexicographical description]. Novokuznetsk, 2002.
4. Gol'din V.E. *Etiket i rech'* [Etiquette and speech]. Saratov, 1978.
5. Giul'magomedov A. G. *Slovar' lezgin'skogo iazyka* [Dictionary Lezgi]. Makhachkala, 2003.
6. Efremova T.F. *Sovremennyi tolkovyi slovar' russkogo iazyka* [Modern Dictionary of Russian language]. T. 2. Moscow, 2006.
7. Kotsiubins'kii M. *Zibrannia tvoriv: u 7-mi t. Listi* [Collected Works: in 7 t. Letters]. Kiev, 1973–1975.
8. Kochergan M.P. *Sopostavitel'noe iazykoznanie i problemy iazykovykh kartin mira* [Comparative linguistics and problems of language pictures of the world]. *Iazykoznanie* [Linguistics]. 2004, № 5–6, pp. 12–21.
9. Krongauz M.A. *Novoe v rechevom etikete* [New in speech etiquette]. *Russkii iazyk* [Russian language], 2001, №3.
10. *Lezginsko-russkii slovar' / sost. B.B. Talibov, M.M. Gadzhiev; pod red. R. Gaidarova* [Lezghian-Russian Dictionary / comp. BB Taliban, MM Hajiyev; ed. R. Gaydarova]. Moscow, 1966.
11. Lezgintsev G.M. *Dag"larai tir insane* [Daglara shooting Insan]. Makhachkala, 1984.
12. Mirnii Panas. *Zibrannia tvoriv: u 7 t. Listi* [Collected Works: 7 v. Sheets]. Kiev, 1971.
13. Ostin Dzh.R. *Slovo kak deistvie* [As word Action]. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* [New in zarubezhnoy linyhvystyke]. Vol. 17. *Teoriia rechevykh aktov* [Theory rechevykh assembly]. Moscow, 1986, pp. 20–129.
14. Serl' Dzh. *Klassifikatsiia illokutivnykh aktov* [The classification of illocutionary acts]. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* [New in zarubezhnoy linyhvystyke]. Vyp. 17. *Teoriia rechevykh aktov*. M., 1986, pp. 170–195.
15. *Slovník ukraíns'koï movi: v 11 tomakh* [Dictionary of the Ukrainian language, in 11 volumes]. K., 1970–1980.
16. Sosiura V. *Zibrannia tvoriv: u 2 t.* [Collected Works: in 2 t.] T. 2. Kiev, 2000.
17. Ukraínka Lesia. *Zibrannia tvoriv: u 12 t. Listi* [Collected Works: 12 v. Sheets]. Kiev, 1975–1978.
18. Ull'man S. *Semanticheskie universalii* [Semantic universals]. *Novoe v lingvistike* [New in linguistics]. Vol. 5. Moscow, 1970, pp. 250–299.
19. Formanovskaia N.I. *Russkii rechevoi etiket: lingvisticheskii i metodicheskii aspekty* [Russian speech etiquette: Linguistic and methodical aspects]. Moscow, 1982.
20. Franko I. *Zibrannia tvoriv: u 50 t. Listi* [Collected Works: in 50 vols. Letters]. Kiev, 1986.
21. Shevchenko T. *Zibrannia tvoriv: u 6 t. Listi* [Collected Works: 6 v. Sheets]. Kiev, 2003.
22. Grice H.P. *Logic and conversation. Syntax and semantics*. 1975. Vol. 3. R. 41–58.
23. Leech G. *Principles of Pragmatics*. N.Y. ; London, 1983.